



Наталья Черкасова
редактор-обозреватель
«РС»

Как вы яхту назовете...

Руководитель Минкомсвязи Николай Никифоров летом заявил о революционных планах министерства добиться утверждения в Госдуме жизненно важных изменений для всех участников рынка. В прошлом выпуске «РС» ряд экспертов уже высказали предложения по совершенствованию основополагающих нормативных документов. В этом номере аналитики отрасли поделились мнениями о проблемах в понятийном аппарате Закона «О связи».

Корень проблем – отсутствие методик

Закон, по определению, упорядочивает реальность и предполагает стройную систему понятий. О российском Законе «О связи» подобного не скажешь. Напротив, в документе имеются неоднозначные толкования многих терминов – видов услуг и стандартов. По мнению начальника отдела прикладных задач развития телекоммуникаций НТЦ «КОМ-СЕТ» Виктора Нетеса, в ст. 2 закона, где даны определения основных используемых понятий, есть целый ряд серьезных недостатков. Среди них эксперт выделяет неполноту: «Отсутствуют определения многих используемых терминов, что ведет к неясности, неоднозначности или нечеткости использующих их формулировок. Например, почтовая связь, географически определенная зона нумерации, целостность, устойчивость функционирования и другие». Также Виктор Нетес указывает на неясность, неоднозначность, нечеткость, некорректность определений и приводит следующие примеры:

- «Современный функциональный эквивалент сети связи – минимальный набор современных средств связи, обеспечивающий качество и существующий объем услуг, оказываемых в сети связи». Как само понятие, так и его определение малопонятны. Что значит «современные средства связи» (созданные не ранее какого времени)? В каком смысле «минимальный»? Какой уровень качества обеспечивающий?

- Радиочастота – составляющая радиочастотного спектра, а

радиочастотный спектр – совокупность радиочастот. Порочный круг в определениях!

- «Средства связи – технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями». Это определение чрезмерно расширяет смысл понятия. К «иным техническим средствам, используемым при оказании услуг связи» формально можно отнести, например, автомобиль, на котором перевозят почтовые отправления, или

калькулятор, используемый в отделении связи для подсчета, сколько денег взять с клиента, и т. п.

- Определение термина «нумерация» не охватывает понятия «абонентский номер», которое использовано в определении термина «абонент».

По утверждению заместителя директора и главного метролога ООО «Аналитик-ТС» Андрея Кочерова, «на поверхности лежит тот факт, что в текущем Законе «О связи» не упоминается, например, понятие качества услуг связи. В то же время ряд постановлений правительства ссылается на нормативные документы, определяющие требования к качеству оказываемых услуг связи. Однако таких норм или нет, или они весьма несовершенны».

Утверждать, что в стране вообще нет нормативных документов по качеству связи, можно было до 1 января 2011 года. Теперь же введен ряд стандартов, начиная с ГОСТ Р 53724-2009 и заканчивая ГОСТ Р 53733-2009. Первый из них – ГОСТ Р 53724-2009 «Качество услуг связи. Общие положения» – не только определяет подход к управлению качеством услуг связи, но и в пункте 3.1.4 «Внешняя среда» устанавливает права и обязанности, согласно которым: Росстандарт разрабатывает и издает стандарты качества услуг связи; Минкомсвязи РФ проводит НИР и разрабатывает нормы качества; оператор связи предоставляет услуги с каче-

ством, соответствующим отраслевым нормам, и в инициативном порядке может ужесточать требования норм для демонстрации своего конкурентного преимущества; Роскомнадзор контролирует соответствие фактического качества услуг отраслевым нормам; сертификационные лаборатории по заявке оператора проводят аудит качества, результаты которого демонстрируют превосходство над конкурентами. Однако это стройное здание пока представлено лишь проектом, в котором определен порядок и намечены показатели регулирования качества, но нет ни норм, ни методов.

А.В. Кочеров,

«Вестник связи», № 8/2011



Один из стандартов (ГОСТ Р 53731) является терминологическим. Несмотря на это, каждый из прочих стандартов содержит раздел «Термины и определения». Это было бы оправданно, если бы в нем были специфические термины, необходимые только для данного стандарта. Однако в нескольких стандартах даются определения общих терминов. При этом одни и те же термины в разных стандартах зачастую определяются по-разному.

В качестве наиболее яркого примера рассмотрим основополагающие термины «качество услуг(-и) связи» и «качество обслуживания», определения которых сведены в таблицу. Из нее виден тот разный в этой области, который, к сожалению, закрепляют стандарты.

Кроме того, изучение этих определений порождает ряд вопросов и возражений. Означает ли использование множественного числа в термине «качество услуг», что качество определяется сразу для некоторого набора услуг? Если да, то кто, когда и где определяет этот набор? Как понимается степень соответствия требованиям? Оценивается ли она бинарно (соответствует – не соответствует) или как-то более сложно, например, путем введения уровней или классов качества? Определение качества услуг в ГОСТ Р 53724 и 53731 как степени соответствия требова-

ниям нормативных документов противоречит п. 3.2.1.1 ГОСТ Р 53724, в котором сказано: «Основной подход к оценке качества услуг должен состоять в том, что мнение пользователя представляет собой конечную меру качества услуг». Такому подходу отвечает другое понятие, определенное в тех же стандартах – «качество обслуживания пользователей услуг связи»

Из сказанного выше видна нецелесообразность разделения терминов «качество услуг(-и)» и «качество обслуживания», тем более что и тот и другой являются различными переводами на русский язык одного и того же английского термина quality of service (QoS). Дело в том, что английское слово service многозначно и может переводиться на русский язык как обслуживание, сервис, служба, услуга. Здесь можно провести аналогию с тем, как по-разному переводится на русский язык термин Integrated Services Digital Network (ISDN): цифровая сеть с интеграцией служб, цифровая сеть интегрального обслуживания и др.

Кстати, еще одним недостатком рассматриваемых стандартов является отсутствие для терминов английских эквивалентов, что было бы весьма желательно.

Чтобы найти верное решение, следует вспомнить об одном из принципиальных положений Федерального закона «О техниче-

ском регулировании»: «Применение международного стандарта как основы разработки национального стандарта» (статья 12 «Принципы стандартизации»). Если говорить о терминологии в данной области, то основным международным документом здесь является Рекомендация МСЭ-Т E.800. В ней используется термин «качество обслуживания», который определяется следующим образом: совокупность характеристик услуги электросвязи, которые имеют отношение к ее возможности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности пользователя услуги (totality of characteristics of a telecommunications service that bear on its ability to satisfy stated and implied needs of the user of the service).

Анализ дальнейшего содержания E.800, а также других рекомендаций МСЭ-Т, в частности, E.802 и G.1000, показывает, что в них понятие качества обслуживания трактуется достаточно широко, охватывая все, что в упомянутых выше наших стандартах разделено на качество услуг связи и качество обслуживания пользователей услуг связи.

В.А. Нетес,

начальник отдела прикладных задач развития телекоммуникаций ЗАО «НТЦ «КОМСЕТ», доктор технических наук.

Из статьи «Качество услуг связи в законах и стандартах», «Вестник связи» № 7/2012

Табл. Определения качества услуг(-и) связи и качества обслуживания

Стандарт	Термин	Определение
ГОСТ Р 53724 ГОСТ Р 53731	Качество услуг связи	Степень соответствия присущих услугам связи характеристик требованиям, установленным нормативными документами
ГОСТ Р 53724 ГОСТ Р 53731	Качество обслуживания пользователей услуг связи	Совокупность экономических, социальных и других показателей (параметров услуг связи), оцениваемых с позиции пользователей и характеризующих степень их удовлетворения качеством этих услуг
ГОСТ Р 53532	Качество услуги связи	Степень соответствия показателей, характеризующих потребительские характеристики услуги, требованиям, предъявляемым к показателям функционирования сети связи, и требованиям, закрепленным договором об оказании услуг связи и/или соглашением между оператором связи и абонентом об уровне качества
ГОСТ Р 53632	Качество услуг связи	Совокупность специфических показателей, определенных требованиями к показателям функционирования сети связи, которые характеризуют потребительские свойства услуги, связи в терминах, понятных пользователю

Изучая терминологию отрасли, можно обнаружить любопытные факты. В позднесоветские времена жаргонный термин «датчик» (датчик температуры, давления) пытались заменить на ППИ (первичный преобразователь информации). Нормоконтроль боролся с «датчиками» по всем фронтам, были соответствующие бумаги, было помогло – датчики так датчиками и остались. Примеров разночтений в понятийном аппарате много и сегодня. Стоит почитать свежую прессу. Так, в сентябре 2012 года генеральный директор ОАО «ВымпелКом» Антон Кудряшов, давая интервью одному из информационных агентств, говорит следующее: «Вообще, о технологии LTE еще мало что понятно в России, ее коммерческий потенциал еще неясен. Мы считаем правильным говорить не о конкретных технологиях, а о следующем поколении мобильной связи – 4G, под которым мы понимаем не только LTE, но и HSPA+». Известно, что оператор США T-Mobile также называет свою сеть HSPA+ сервисом 4G, что не нравится их конкуренту (AT&T). Между тем, проведя ратификацию технологии LTE-Advanced как стандарта 4G, эксперты Международного союза электросвязи считают попытки некоторых операторов выдать за 4G то, что им не является, не более чем маркетинговыми спекуляциями.

По мнению Андрея Кочерова, корень многих проблем кроется в отсутствии единых методик выполнения измерений – МВИ: «Некоторые операторы понимают параметр «средняя задержка передачи пакетов информации» как время пингования Round Trip Delay Time – RTT или RTD (A-B-A). В то же время нормотворец, понимая этот термин как время передачи между точками (A-B) (см. «Требования к организационно-техническому обеспечению устойчивого функционирования сети связи общего пользования», введенные приказом Мининформсвязи № 113/2007), определил для интерактивного трафика норму, задав ее равной 100 мс. Так как применительно к RTT выполнить эту норму практически затруднительно (невозможно), то на этом основании оператор отказывается выполнять требования норм, ссылаясь на то, что нормы несовершенны. Таким образом, в условиях отсутствия в указанном НПА МВИ регулятор вслед за нормотворцем фактически потворствует невыполнению норм».

Виктор Нетес добавляет, что «расхождения в трактовке нормативных документов могут приводить к проблемам при взаимоотношении, например, операторов связи с органами надзора». Он считает, что однозначная и четкая терминология в нормативных документах важна для сокращения возможностей злоупотреблений, произвола и коррупции. В этой связи Виктор Нетес вспоминает высказывание английского философа Фрэнсиса Бэкона: «Громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определенных привести их в порядок».

Ожидаемые модификации НПА

О том, что нового необходимо внести в Закон «О связи» в целом и в терминологию в частности, участники рынка спорят уже второй десяток лет. Руководитель проектов Департамента технической стратегии ОАО «Интеллект Телеком» Наталья Волкова говорит о том, что в России может быть разрешено коллективное владение сетями мобильной связи – модель, именуемая в зарубежных источниках network sharing или active infrastructure sharing. Легитимизация сетей совместного использования потребует дополнить ряд нормативно-правовых актов (НПА), включая Федеральный закон «О связи», Требования к построению ТфОП, Правила регистрации радиоэлектронных средств, Правила ввода в эксплуатацию сооружений связи, Правила применения базовых станций и ретрансляторов, Порядок проведения экспертизы возможности использования радиоэлектронных средств (РЭС). Возможно, потребуется изменить и процедуру сертификации оборудования. При этом в основные понятия Закона «О связи» нужно будет добавить определение сетей связи (средств связи, радиоэлектронных средств) совместного использования.

В начале сентября Еврокомиссия заявила о намерении законодательно закрепить совместное использование спектрального ресурса (spectrum sharing). «В случае если данную инициативу зарубежных коллег поддержит Минкомсвязь России, можно предположить, что российские НПА будут подвергнуты

масштабной переработке с добавлением понятий совместного использования радиочастотного спектра, субпользователя спектра и других», – отмечает Наталья Волкова.

Андрей Кочеров подчеркивает, что в настоящее время состояние нормотворчества крайне неудовлетворительно: «Те немногочисленные формально принятые НПА не содержат методик; приняты без очного обсуждения (процедура заменена на формальное «вывешивание» проекта в Интернете), не отработаны в опытных зонах; нормативные требования для обеспечения важнейших задач отраслевого регулирования и эксплуатации не разрабатываются; официальный статус международных стандартов отсутствует». Соответственно, Андрей Кочеров предлагает внести в новый закон основные правила, согласно которым указанные негативные обстоятельства могли бы впредь не возникать. То есть, в законе следует дать точное представление о принципах регулирования, указать конкретный порядок нормативного обеспечения отрасли. «Необходимо было бы сформировать такое положение, когда перечень основных услуг не может существовать без того, чтобы формальное описание этих услуг и качество их предоставления не было бы формально определено в соответствующих НПА», – добавляет эксперт.

В свою очередь Виктор Нетес считает, что терминологическая часть закона является важной, но вспомогательной. Сначала, по его мнению, надо определиться с тем, что нового будет внесено в закон по существу, а потом уже говорить о соответствующей терминологии. В том же ключе рассуждает главный аналитик департамента операторских решений компании Huawei Technologies Александр Голышко (см. комментарий).

Лингвистические тонкости

Порой мелочи решают почти все. Конечно, о семантических особенностях терминов в любой отрасли надо говорить, имея концепцию будущего регулирования, но забывать о языковых нюансах не стоит. Ведь смысл ранее применявшихся понятий иногда меняется по мере развития технологий.

«После появления и развития технологий передачи данных с коммутацией пакетов изменился (рас-



Александр Гольшко
главный аналитик
департамента
операторских решений
компании Huawei
Technologies

Существующему регулированию отрасли необходима серьезная модернизация, поскольку уже сравнительно давно идет смена парадигмы коммутации каналов (КК) на парадигму коммутации пакетов (КП), эпоха «перехода от TDM к IP», от сепаратного рассмотрения коммуникационных технологий (КТ) и информационных технологий (ИТ) к инфокоммуникационным технологиям (ИКТ). При этом системная сложность возникающего инфокоммуникационного мира существенно выше, а формирующаяся сервисная модель в виде «Cloud – Pipe – Device» более проста, универсальна и эффективна, чем у мира традиционных телекоммуникаций.

Действующий закон давно и по праву называют «телефонным», тогда как сегодня мы повсеместно имеем мощнейшие мультисервисные сети передачи данных, где телефония – лишь одно из не самых «серьезных» приложений. Наложение «телефонных» принципов на сети передачи данных либо откровенно тормозит развитие последних, либо вообще проходит для них незамеченным. Ну и где тут реальная польза для страны, для операторов, для граждан-абонентов? Повторю – нужна серьезная модернизация регулирования отрасли на базе коренного переосмысления целей и принципов регулирования. И одной терминологией тут не обойдешься. Ведь нужно не просто соответствовать сегодняшнему дню, а стимулировать развитие отрасли в части сетей, сервисов, появления новых технологий. Как часто отмечают отраслевые юристы, одним из основных тезисов предстоящей модернизации регу-

лирования ИКТ-отрасли в России в XXI веке должно стать понимание того, что необходима смена технологического подхода в регулировании на правовой. Отношения потребителей и поставщиков услуг/сервисов должны быть основаны на принципах гражданского права. Кроме того, оказание услуг по типу «один оператор – один получатель услуги» давно устарело и требует корректировки нормативно-правового регулирования и оформления более «широких» отношений типа «несколько операторов – один получатель услуги» (это откровенно мешает, в частности, предоставлению т. н. «конвергентных услуг»). К тому же любая услуга сегодня может быть доставлена по любой сети и любым способом.

С технической точки зрения необходимо признание регулятором сетей передачи данных (ПД) де-факто базовым элементом национальной ИКТ-инфраструктуры в лице распределенной архитектуры NGN, а ШПД – единственным способом доступа в современных инфокоммуникациях (от ФТТх до Ка-диапазона).

Что касается классификации услуг («услуги электросвязи, телерадиовещания и почтовой связи»), то, хотим мы того или нет, сегодня она преобразуется на «услуги: инфраструктурные, сервисные и почтовой связи». Учитывая, что уже сегодня телерадиовещание может быть организовано любым способом на любой современной сети связи, выделение его лицензирования в отдельную разновидность уже потеряло смысл (да и телевизоры теперь – это компьютеры с дополнительной опцией приема ТВ-вещания). В перспективе есть только одна ИКТ-услуга под названием «связь» в самом широком понимании этого слова. Вот ее-то и нужно лицензировать путем выдачи всего двух лицензий – на инфраструктурные услуги и на предоставление сервисов поверх ИКТ-инфраструктуры.

Субсидирование традиционной телефонии в рамках обеспечения универсального обслуживания устарело и несет серьезные риски для инфокоммуникационного развития страны. ШПД наряду с мобильной связью также являются сегодня де-факто универсаль-

ными услугами XXI века, однако более целесообразно объединить все универсальное обслуживание под понятием «доступ» (фиксированный и мобильный ШПД с различными скоростями), являющийся прерогативой инфраструктурных операторов. Именно они должны поддерживать и постоянно модернизировать под растущий трафик инфраструктуру связи. Поэтому логично, чтобы обеспечение доступа к абонентам (в рамках различных видов ШПД) постепенно стало одной из основных услуг связи и имело свою цену.

Необходимо стимулирование модернизации ИКТ-инфраструктуры в РФ с помощью, во-первых, единых подходов к регулированию сетей мобильной и фиксированной связи (де-факто многие операторы уже стали конвергентными «глобальными игроками»); во-вторых, отказа от территориального зонного деления сетей, оставив его лишь как базовый принцип организации нумерации фиксированной телефонной связи; в-третьих, снятия технологических барьеров по обязательным схемам подключения сетей, пропуска трафика и используемым абонентским терминалам, а также по переносу конкуренции в терминал пользователя. А еще нужна отечественная инициатива по ускорению развития ШПД в рамках «нацпроекта ШПД» в интересах социально-экономического развития страны и построения информационного общества. Уровень развития ШПД – кстати, важный показатель развития государства – нуждается в четком определении с развитием по годам.

Нам нужно определиться с такими понятиями, как технологический и сетевой нейтралитет. Нам нужно определить, наконец, что такое сеть Интернет и как она входит в общую ИКТ-инфраструктуру, а также сформировать отношение к защите в Интернете интеллектуальной собственности. Впрочем, помимо отношения необходимы реальные действия по построению «электронного государства» как специализированной защищенной социальной сети для 140 млн пользователей. Это, если угодно, будет новая историческая общность, о желательности создания которой говорил недавно наш президент.



ширился) смысл таких терминов, как коммутатор, маршрутизация», – комментирует Виктор Нетес.

«Лично меня раздражает термин «широкополосная передача данных», – добавляет Андрей Кочеров. – Так как понятие полосы основоположник К. Шеннон относил все же не к скорости передачи, а именно к ширине располагаемой к применению для обеспечения передачи полосы частот. Но такое словоупотребление повсеместно и воевать с ним совершенно бессмысленно».

Существует проблема соответствия отечественной телекоммуникационной терминологии мировым аналогам. Виктор Нетес говорит о том, что различия российской терминологии и международной обусловлены несколькими причинами. Во-первых, это различия в нормативной базе. Например, в международных документах нет аналогов нашим терминам «услуга присоединения», «услуга по пропуску трафика». Во-вторых, сложившаяся многолетняя практика. Например, в англоязычной терминологии различают circuit и channel, которые на русский язык переводят общим термином «канал», добавляя при необходимости «двусторонний» и «односторонний». Это усложняет создание производных терминов. Некоторые авторы поэтому предлагают переводить circuit как «цепь», но поскольку такое различие не было введено на заре появления электросвязи, сейчас это делать уже поздно. В-третьих, лексические различия. Например, английское service охватывает смысл таких русских слов, как услуга, служба, обслуживание, сервис. В частности, это привело к разнобою в переводе на русский язык термина ISDN (Integrated Services Digital Network): ЦСИС (цифровая сеть с интеграцией служб) и ЦСИО (цифровая сеть интегрально обслуживания).

«При упорядочивании терминологии и создании новых терминов следует стремиться к разумному компромиссу, то есть максимально возможному соответствию международным стандартам с учетом сложившейся терминологии, – рассуждает Виктор Нетес. – По возможности надо стараться подбирать подходящие русские эквиваленты к терминам, пришедшим из других языков. Например, при освоении технологий ATM и MPLS были выбраны удачные переводы для английских cell и label, ко-

торые стали общеупотребительными (ячейка и метка соответственно). В то же время для термина roaming это сделать не удалось, и пришлось использовать его транскрипцию роуминг. Кстати, в подобных случаях возможно использование как транскрипции, так и транслитерации, что порой также порождает неоднозначность. Например, варианты для datagram: дейтаграмма и датаграмма. При этом прибегать к транскрипции или транслитерации надо только в крайних случаях. Например, зачем передавать английское profile как «профайл», когда есть русское слово профиль?»

И все же, по мнению экспертов, детальная проработка языковых особенностей не способна по большому счету улучшить регулирование в отрасли.

Андрей Кочеров прогнозирует: «Лидеры национального рынка по-прежнему будут применять термины в оригинале, создавая, конечно, неприятное смешение «французского с нижегородским». Следует окормлять процесс освоения новых технологий скорейшим внедрением соответствующих важнейших стандартов и НПА. Необходим отраслевой план разработки таких документов с разверткой по времени и субъектам отрасли – операторам, регуляторам, науке. В свою очередь, такое планирование нормотворчества должно быть встроено в какое-то сооружение более высокого уровня. Однако такое сооружение начинает напоминать упраздненный Госплан, и уже по этой причине его не следует возводить. Тогда что же? Наверное, следует действовать от обратного: на нашу страну технологического прогресса, проводя мониторинг узких и спорных мест и расширяя их выработкой соответствующих документов...»

Виктор Нетес считает, что стоит говорить скорее не об учете лингвистических тонкостей, а о следовании основным правилам разработки научно-технической терминологии, которые хорошо известны специалистам в этой области (системность, взаимоувязанность, полнота, однозначность и соразмерность определений, лингвистическая правильность и другое).

Заграница нам поможет

В западных странах, между тем, ситуация с законодательством более прозрачная. Неудивительно, что все поддерживают идею о гармонизации

отечественных нормативных документов с международными. Значительное отставание российской телекоммуникационной терминологии от зарубежной констатируют и эксперты Научно-исследовательского института радио (см. комментарий).

Для того чтобы отечественные законы соответствовали мировым стандартам, хорошо поработали специальные рабочие группы (РГ-1 и РГ-2), созданные Ассоциацией документальной электросвязи в 2008 году. Все материалы по совершенствованию отраслевой нормативной базы опубликованы на сайте организации <http://www.rans.ru>. В частности, эксперты выдвинули следующие предложения:

1. Конкретизировать определения: сеть связи, сооружение связи и средство связи, увязанные с законом.

2. Откорректировать основания для отказа в регистрации сети связи. Порядок регистрации не должен ужесточить процедуры, прописанные в законах.

3. Привести в соответствие понятие «системный проект сети связи» в ФЗ «О связи» и требования к его содержанию, определить, что такое «план нумерации сети связи оператора связи», и четко указать, для каких сетей он требуется (например, в сетях ПД понятие «план нумерации» не используется).

Сегодня деятельность общественных объединений РГ-1 и РГ-2 завершена. Точно известно, что краткое изложение основных положений «Концепции регулирования, содействующей интеграции связи, вещания и информатизации» АДЭ направил заместителю министра связи и массовых коммуникаций Денису Свердлову в конце августа. Остается надеяться, что многостраничный труд не канет в Лету, а станет ориентиром для формирования четкой программы реформирования отрасли, в которой будет минимум общих фраз и глобальных постулатов и максимум конкретных проектов с участием связистов-практиков.

Стоит вспомнить известную присказку капитана Врунгеля – «как вы яхту назовете, так она и поплывет». У регулятора, операторов связи и представителей отраслевой науки есть очередной шанс поправить дела в терминологии Закона «О связи». Рабочая группа по созданию нового закона уже сформирована. ■



Оксана Наварнова
руководитель
группы НТЦ
Развития ФГУП НИИР

Законодательство Российской Федерации в области связи в перспективе претерпит значительные изменения, связанные как с изменением подходов к лицензированию деятельности по оказанию услуг связи и правилам их оказания, так и с введением услуги переноса номера. Предполагается, что данные законодательные инициативы будут сопровождаться изменением понятийного аппарата в области связи.

В 2002 году Европейской Комиссией были разработаны Директивы, описывающие новую регуляторную модель электронных коммуникационных сетей и услуг и понятийный аппарат.

К данным Директивам относятся:

- Рамочная Директива (Directive 2002/21/EC of the European Parliament and of the council of 7 March 2002 on a common regulatory framework for electronic communications networks and services (Framework Directive));
- Директива по авторизации электрокоммуникационных сетей и услуг (Directive 2002/20/EC of the European Parliament and of the council of 7 March 2002 on the authorisation of electronic communications networks and services (Authorisation Directive));
- Директива по доступу и присоединению к электрокоммуникационным сетям и оборудованию (Directive 2002/19/EC of the European Parliament and of the council of 7 March 2002 on access to, and interconnection of, electronic communications networks and associated facilities (Access Directive));
- Директива по оказанию универсальных услуг и правам пользователей (Directive 2002/22/EC of

the European Parliament and of the council of 7 March 2002 on universal service and users' rights relating to electronic communications networks and services (Universal Service Directive));

– Директива по электронной коммерции (Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce)). В новой регуляторной модели ЕС терминология претерпела значительные изменения в связи с введением в регуляторную базу Интернета и необходимостью определения участников рынка услуг Интернета и осуществляемой ими деятельности.

Основными субъектами регулирования были определены:

оператор связи (operator) – организация, эксплуатирующая сеть связи общего пользования и/или принадлежащее ей оборудование;

поставщик услуг (service provider) – физическое или юридическое лицо, оказывающее услуги информационного общества;

поставщик медийных услуг (media service provider) – физическое или юридическое лицо, оказывающее услуги по предоставлению аудиовизуального контента.

На смену понятию телекоммуникационной сети связи пришло новое – электронная коммуникационная сеть, которая является родовым понятием для всех сетей связи. Под такой сетью связи понимаются системы передачи, оборудование маршрутизации и коммутации и другие ресурсы, с помощью которых осуществляется передача сигналов проводной, радио-, оптической связи и других электромагнитных средств связи.

В частности, электронными коммуникационными сетями вне зависимости от вида передаваемой информации являются спутниковые сети, фиксированные сети (с коммутацией каналов и коммутацией пакетов, в том числе Интернет) и сети подвижной связи, системы электрических кабелей, при условии их использования для передачи сигналов связи, сети ра-

дио- и телевидения, сети кабельного телевидения.

Понятие услуги связи также было изменено на электронную коммуникационную услугу (electronic communications service), под которой понимается возмездная услуга, которая полностью или в основном объеме оказывается посредством передачи сигналов по электронным коммуникационным сетям (за исключением контент-услуг).

Деятельность поставщиков услуг была связана с оказанием следующих видов услуг:

услуга с добавленной стоимостью (value added services) – любая дополнительная услуга, отличная от основной услуги по передаче электронных коммуникационных сообщений;

аудиовизуальная услуга (audiovisual service) – услуга, оказываемая поставщиками услуг, заключающаяся в предоставлении информации неограниченному кругу пользователей с целью информирования, с развлекательной целью или с целью обучения посредством электронных коммуникационных сетей. К аудиовизуальным услугам относятся услуга телевизионного вещания, или аудиовизуальные услуги по запросу, и (или) аудиовизуальная коммерческая информация.

Введение данных понятий преследовало цели установления упорядоченных отношений на рынке инфокоммуникационных услуг, определения основных его участников и правил их деятельности, перечня оказываемых услуг и особенностей их оказания. Приведенная выше терминология целесообразна для применения и в России, законодательство которой на сегодняшний день ограничено только одним участником рынка услуг связи – оператором связи и не учитывает новых участников – поставщиков услуг и оказываемых ими услуг. Учитывая активное развитие телекоммуникаций, возращение роли Интернета и тенденции к его международному регулированию, законодательство РФ в области связи должно быть готово к данным вызовам и соответствовать международным понятиям нормам.



Вопросы терминологии в материалах отраслевых изданий

2008 год

Минкомсвязь совместно с Ассоциацией документальной электросвязи (АДЭ) намерено усовершенствовать отраслевую нормативно-правовую базу с помощью специально созданных рабочих групп. Первая начинает подготовку нормативно-правовых актов, вторая – разработку терминологии инфокоммуникаций, а также подготовку регулирования в эпоху перехода отрасли от телекоммуникаций к инфокоммуникациям. Крупные игроки поддерживают эту инициативу. «Есть проблемы, связанные с регистрацией сетей связи, а также с регистрацией и вводом в строй сооружений связи, – напомнил президент Ассоциации региональных операторов связи (АРОС) Юрий Домбровский. – Кроме того, с распространением NGN-сетей изменились понятия трафика, звонков, данных...»

2009 год

Терминологические недочеты есть в Федеральной космической программе РФ на 2006–2015 годы (ФКП). В пяти из девяти пунктов раздела 3.1 этой программы в том или ином виде упоминается спутниковое телерадиовещание. Специалисты считают, что нужно устранить некоторую двоякость толкования, возникшую при применении термина «спутниковое непосредственное вещание» к телевидению и радиовещанию. В последнем случае правильнее было бы говорить о звуковом вещании, так как телевидение – это тоже разновидность вещания «на радиоволнах», но термин «радиовещание» уже закрепился за звуковым вещанием. Под «спутниковым непосредственным телевидением» обычно понимают доставку контента на стационарные абонентские приемники в рамках Радиовещательной спутниковой службы (РСС), в то время как «спутниковое непосредственное радиовещание» – это доставка звуковых программ на переносимые и мобильные терминалы.

2010 год

Правительство РФ рассматривает проект постановления о полномочиях ведомств в сфере выдачи разрешений на судовые и бортовые радиостанции. Федеральный закон должен упорядо-

чить и систематизировать терминологию в области связи, а именно, изменить наименования разрешительных документов с «лицензии судовых радиостанции и лицензии бортовой радиостанции» на «разрешение на судовую радиостанцию и разрешение на бортовую радиостанцию». Необходимость этих разрешительных документов установлена международными актами, в том числе Регламентом радиосвязи Международного союза электросвязи.

Госдума принимает во втором чтении проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 24 ФЗ «О связи». По словам заместителя председателя комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи Владимира Горбачева, поправки в закон, в частности, позволяют уточнить терминологию и исключить случаи проведения экспертизы электромагнитной совместимости на стадии принятия решения о выделении полос радиочастот. Так, одна из предложенных ко второму чтению поправок вводит единое наименование экспертизы – проводимая радиочастотной службой экспертиза возможности использования заявленных радиоэлектронных средств (РЭС) и их электромагнитной совместимости с действующими и планируемыми для использования радиоэлектронными средствами (экспертиза электромагнитной совместимости).

В Москве проходит ежегодный форум «Инвестиции в цифру». От лица Министерства связи и массовых коммуникаций РФ собравшихся приветствует заместитель директора правового департамента Наталья Ромашова. Она подчеркивает, что принятый 27 июля 2010 года Федеральный закон № 221-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» впервые вводит понятие «трансляция» телеканалов и радиоканалов, что четко разграничивает деятельность вещателя и оператора связи: оператор связи осуществляет трансляцию телерадиоканалов (прием/доставку сигнала абоненту), а вещатель распространяет каналы именно как СМИ.

Михаил Силин, представлявший Ассоциацию кабельного телевидения

России, отмечает, что деятели отрасли многого достигли за год. Наконец окончательно согласовано понятие «присоединение»: услуга присоединения возникает только при условии физического контакта сетей, то есть подразумевается исключительно их техническое взаимодействие.

Термин «трансляция», который до принятия закона относился к деятельности в области распространения СМИ, а после – к деятельности по распространению сигнала СМИ, он считает противоречивым, а отнесение его к области связи, а не контента – рискованным. Понятие «бесплатно» Михаил Силин тоже определил как «опасный термин», так как есть опасность получить претензии от граждан.

2011 год

Не первый год на повестке дня стоит вопрос о принятии Федерального закона «О радиочастотном спектре в Российской Федерации». Однако процесс по подготовке законопроекта затянулся. Большинство соглашается с необходимостью принятия такого закона, но договориться о содержании данного документа оказалось сложно. Разногласия вызывает и терминология (например, определение понятия радиочастотного спектра: стоит его рассматривать как «ограниченный национальный ресурс» или как «ограниченный природный ресурс»).

2012 год

Телекоммуникационным системам не хватает регуляторных мер в сфере качества предоставления услуг, заявил заместитель руководителя Роскомнадзора Олег Иванов на первой Всероссийской конференции «Обеспечение качества телекоммуникационных услуг». «В перечень контролируемых услуг войдут местная, международная и междугородная связь, услуги сотовой связи и мобильной передачи данных, телематические услуги, услуги эфирного вещания, – рассказал Олег Иванов. – В рамках разработки концепции, которая будет вынесена на общественное обсуждение, Роскомнадзор проанализирует международный опыт, изучит действующее законодательство РФ на предмет возможных противоречий при вводе новой методики контроля...»